

Сила инерции

Автор:

Чингиз Абдуллаев

Сила инерции

Чингиз Акифович Абдуллаев

Убивать – это искусство. Именно так считает опытный контрразведчик ФСБ по кличке Монах. А его новое задание – убрать известного политика – требует довести это искусство до высочайшей степени совершенства. Любого человека, вступившего в непредусмотренный контакт с Монахом, плотно «опекаемым» спецслужбами, ждет смерть. И, как нарочно, к нему приезжает женщина, которую он когда-то любил. Пытаясь спасти ее, Монах даже не подозревает, что игра, в которую он втянут, становится смертельно опасной.

Чингиз Абдуллаев

Сила инерции

Глава 1

Он вышел утром из дома, чтобы купить газеты. Обычно он не интересовался последними новостями и лишь иногда позволял себе подобные вылазки, покупая газеты в дальних киосках, находящихся на довольно большом расстоянии друг от друга. Он никогда в жизни не позволял себе выписывать прессу на дом, ибо иногда отсутствовал в своей квартире по нескольку месяцев, и тогда такой пустяк, как накопившиеся в почтовом ящике газеты, могли бы сыграть роковую роль.

В этот день он читал газеты, когда раздался телефонный звонок. Он автоматически посмотрел на часы. Ровно два. Возможность ошибки была исключена. К нему никто никогда не звонил просто так. Тем более в условленное время. Через минуту раздался еще один звонок, потом третий. Он знал, что означают три одиночных звонка в два часа дня. Собственно, звонки в этом доме могли раздаваться только в два, три и четыре часа дня, обозначая этим условленное время и место. Число одиночных звонков прибавлялось к тому времени, когда они раздавались, и эта сумма указывала время встречи.

Подобная конспирация сохранилась еще с тех времен, когда он был сотрудником всемогущего КГБ и часто, иногда месяцами, жил за рубежом, в ожидании единственного звонка. Слова в подобных случаях были излишни, все давно известно. Он посмотрел еще раз на часы. До пяти еще достаточно времени, однако, верный своим принципам, он не стал ждать. Лучше прибыть на встречу загодя, чтобы убедиться, что звонок был вызовом на работу, а не в преисподнюю, куда его давно могли отправить.

Приехав на место за два часа, он внимательно изучил обстановку в районе тайника, к которому должен был подойти в пять часов вечера. Все было спокойно. Он сделал несколько контрольных заходов и, убедившись, что ничего опасного ему не грозит, ровно в пять минут шестого встал у назначенного места. Здесь не бывало связных. Его никто не должен был видеть и тем более знать. Просто он подошел к телефонной будке и провел рукой там, где стеклянная стена соприкасалась с камнем старого здания. Там был тайник, где уже лежала шифровка. Сунув бумагу к себе в карман, он, развернувшись, направился к станции метро, проверяя по дороге, нет ли за ним наблюдения. Все было в порядке, но он по-прежнему не рисковал, не позволяя себе развернуть бумагу в вагоне метро. Выйдя на конечной станции на поверхность, он сел в автобус, идущий в город.

И только в центре, еще раз пересев, он развернул бумагу и прочитал несколько цифр. Теперь следовало взять конверт, приготовленный для него совсем в другом месте. В бумаге указывался код замка в доме, где в одном из почтовых ящиков лежал нужный ему конверт.

Проехав по известному ему адресу, он набрал одну цифровую комбинацию, открывая дверь, затем другую для второй двери. В подъезде, подойдя к нужному ему почтовому ящику и оглянувшись по сторонам, открыл замочек ключом, который у него всегда был с собой. Достав плотный конверт, закрыл

ящик, вышел из дома. Конверт лежал во внутреннем кармане пиджака. Через два квартала поймал такси и поехал домой. Выйдя за два квартала от дома, он зашагал пешком, делая большой крюк.

Только в квартире он позволил себе расслабиться, сбросить колоссальное напряжение. Самым трудным в его работе были именно контакты со связными. И хотя по строгому уговору он никогда их не видел, тем не менее это был единственный уязвимый пункт в его деятельности. Например, у почтового ящика его могли просто убрать, решив, что его запас информации давно перешел критический уровень.

Положив конверт перед собой, он внимательно оглядел его. Тот сулил новые приключения, новое задание, риск и как следствие новую плату. Взяв конверт, он прошел в ванную комнату, плотно прикрыл дверь и осторожно вскрыл. Он один знал, как это нужно делать. Плотный конверт изнутри был оклеен специальной металлической лентой. Любое неосторожное движение – и пленка, предназначенная только для него, немедленно уничтожалась. Он достал пленку. В ванной комнате все было приготовлено для ее проявления. Он научился действовать почти вслепую, не тратя времени на поиски необходимых фотопринадлежностей.

Через полчаса он рассматривал еще мокрые снимки. На них был изображен неизвестный ему человек лет пятидесяти и, кроме того, текст, который нужно расшифровать с помощью книг из его личной библиотеки. Еще через полчаса он уже читал составленное сообщение. Теперь он знал, где найти человека, чью фотографию он с интересом разглядывал, и где взять приготовленную для него посылку для успешного выполнения задания.

И еще был указан срок – не позже восьмого числа. Он уже знал, что для него припасено оружие и что не имеет права промахнуться. Как всегда, не имеет права.

В последние годы все изменилось. Раньше он пользовался вполне современным оружием, которое затем сдавал курьеру для последующего уничтожения, теперь же ему в основном присылали старые «ТТ», которыми чаще всего пользовались киллеры-дилетанты, выполняющие работу за мизерную плату и, как правило, грязно и неубедительно. Теперь он бросал оружие на месте преступления, однако в отличие от доморощенных киллеров он знал, как нужно стрелять. Правда, сейчас он старательно подделывался под глупых наемников, стреляя

несколько раз, словно демонстрируя собственное неумение. Ему было стыдно и неприятно таким образом устранять жертву, но это являлось своего рода маскировкой, чтобы прибывшие на место происшествия следователи не сумели вычислить профессионала. Впрочем, давно никто и никого не вычислял. Он иногда удивлялся, как вяло и безынициативно работают следователи прокуратуры, словно демонстрируя свой непрофессионализм. Хотя на этот счет у него давно была разработана собственная теория. Ведь живущие в бывшем государстве специалисты не могли исчезнуть в одночасье. Несмотря на все чистки и пертурбации последних лет, профессионалы в большинстве своем оставались нужными любому режиму. Очевидно, прокуроры и следователи действовали примерно такими же методами, к которым прибегал он сам.

Им просто невыгодно было расследовать убийства по-настоящему, выходя на истинных заказчиков преступления, которых всегда можно вычислить. Поэтому они, как и он сам, работали под «дурачков», демонстрируя, как все их усилия кончаются ничем. За такие нулевые показатели почему-то никого не наказывали. Наоборот, повышали, давали следующие звания, награждали. Похоже, игра в поддавки устраивала всех – следователей, прокуроров и тех, кто стоял над ними. Он понимал, что это возможно только в одном случае: когда его заказчики и люди, контролирующие работу прокуратуры, имеют общие интересы, или, что еще более вероятно, являются одними и теми же лицами. Но так далеко он не хотел заглядывать. У него всегда имелось конкретное задание, и он его всегда аккуратно выполнял.

На следующий день он поехал уже по другому адресу, где должен был найти прикрепленный к бордюру моста с внешней стороны полиэтиленовый пакет с пистолетом «ТТ» и задатком в долларах. Привычно засунув пакет в сумку, он вернулся домой, пересчитал деньги. Недовольно поморщился, заметив несколько измятых старых купюр. Они могли бы платить и новыми долларами. Он посмотрел на лежавшие перед ним деньги. В конце концов это была цена крови. Раньше ему вообще ничего не платили. Теперь он мог рассчитывать на гонорар.

В проявленных фотографиях был обычный текст, где и как найти нужного ему человека. Он знал, что завтра выйдет на поиск. Он никогда особенно не торопился. Ему было сорок пять, но действовать по принципу «на авось» он не привык еще с тех пор, когда работал в ведомстве, носившем совсем другое название и внушавшем всему миру ужас своими тремя буквами – КГБ.

Впрочем, все это казалось давно забытой легендой. После развала страны минуло шесть лет. За это время его родное ведомство переименовывали столько раз, что не всякий сотрудник контрразведки мог без запинки вспомнить все его названия. Он покосился на пистолет. Кто бы мог подумать, что ему придется работать с таким оружием. И это после тех видов, которыми он владел. Однажды ему выдали даже экспериментальный образец, и он умудрился попасть с расстояния, превышающего всякие разумные пределы. В газетах потом много писали о том, что убийца воспользовался каким-то укрытием рядом с жертвой. А теперь ему выдавали этот малопривлекательный «ТТ», который он обязан был выбросить на месте преступления, чтобы продемонстрировать, как может действовать малообученный киллер.

Найти нужного человека было несложно. В послании указывались адрес, название фирмы, местонахождение дачи, даже адрес его любовницы. В течение трех дней он осторожно следил за намеченной жертвой. Рядом с объектом постоянно находился телохранитель, хотя этот бестолковый парень вряд ли сумел бы помешать кому бы то ни было убрать его хозяина. Был еще водитель, гораздо более опытный. Он всегда подавал машину прямо к подъезду, проверяя его перед тем, как должен был спуститься его хозяин. Очевидно, водитель раньше работал в милиции либо КГБ. И, хотя ему было уже за сорок, он лучше обеспечивал безопасность своего хозяина, чем накачанный телохранитель, у которого в голове были одни мышцы.

Следовало продумать место встречи таким образом, чтобы исключить возможность появления водителя, который также мог быть вооружен. Единственным местом, куда владелец фирмы приходил один, была квартира его любовницы. Он внимательно исследовал подъезд, проверил выход на чердак, который был закрыт. Подобрал ключ к замку. Изучил комбинацию кода входной двери. Он любил все тщательно готовить, зная, что любая непредусмотренная мелочь может все испортить. Нужно было убедиться, что за дверью соседской квартиры не завоет собака и не появится милиционер, забежавший на обед.

Проверив все, он начал ждать удобного момента. Он не хотел стрелять в глупого телохранителя, ибо всегда избегал лишней крови, считая это непростительным грехом. Работу нужно делать чисто – таково было главное требование к настоящим профессионалам. Убийство случайных свидетелей – это не просто досадный прокол, а самая настоящая ошибка.

Все получилось, как он и предполагал. Владелец фирмы приехал к своей пассии в субботу днем. Ровно через два часа убийца ждал его в подъезде дома, внимательно наблюдая за квартирой. На этот раз объект задержался у молодой женщины дольше обычного, не подозревая, что это последнее в его жизни удовольствие.

Его автомобиль подъехал к дому, водитель фирмача вошел в подъезд с проверкой. Все было спокойно, и водитель вышел к машине, рядом с которой стоял телохранитель. Оба тихо переговаривались. Они знали, зачем сюда приезжает хозяин и как ему не нравится, когда те поднимаются на этаж. В этот момент убийца начал осторожно спускаться сверху и оттуда вызвал лифт. Вышедший из квартиры фирмач также нажал кнопку вызова, нетерпеливо посмотрел на часы. Лифт наконец пришел, створки дверей начали автоматически открываться. Человек улыбнулся, собираясь войти, и тут заметил, что в кабине кто-то есть. Это было последнее, что он увидел в своей жизни. В руках у незнакомца блеснул пистолет. Раздалось несколько выстрелов. Несчастная жертва упала на пол. Убийца выстрелил последний раз в голову и бросил пистолет на убитого. Он был в темных перчатках. Нажав на кнопку, он поехал вверх, чтобы уйти через чердак.

На выстрелы обратила внимание соседка с верхнего этажа. Она открыла дверь, но на лестнице все было спокойно. Лишь через двадцать минут, когда водитель догадался наконец войти в подъезд и подняться по лестнице, он обнаружил труп своего хозяина. Убийца был уже далеко. Через день, как и было условлено, оставшуюся часть гонорара он получил в известном ему месте.

Глава 2

Он умел убивать. Непосвященному казалось, что это действие не заслуживает столь кропотливой подготовки. Человеческое существо можно убить тысячами разных способов – отравить, задушить, зарезать, пристрелить, да мало ли какие изуверские способы можно придумать, чтобы перерезать тонкую нить жизни. Однако он относился к убийствам как к сложной и серьезной работе и поэтому никогда не позволял себе халатно готовиться к очередному заданию, чтобы гарантировать себя от провала.

Он был профессионалом в том смысле, в каком может быть профессионалом средневековый палач, гордившийся хорошей работой и умевший снести голову своей жертвы с одного удара. Вся разница была лишь в том, что палач демонстрировал свое умение в окружении толпы зевак, тогда как он избегал любой огласки и не любил оставлять свидетелей. В какой-то мере они были схожи и с палачом – он тоже никогда не показывал своего лица зрителям, оставаясь невидимкой.

Он был убийцей не по призванию. И тем более не в силу собственных порочных наклонностей; не страдал он наследственными пороками. С этой стороны как раз все было в порядке. Мать преподавала русскую литературу в школе, где занимался и ее единственный сын. Особенно она любила Блока. Отец был обычным бухгалтером на небольшой ткацкой фабрике. Младшая сестренка училась в той же «маминой» школе. Казалось, ничего не свидетельствовало о том, что он будет настоящим «серийным убийцей».

Он иногда думал, что, если собрать вместе все его жертвы за последние десять лет, список получится столь внушительным, что любой психиатр заподозрил бы в нем маньяка или садиста. На самом деле все было как раз иначе. Крови он не выносил вообще, а мучить обреченного на смерть человека, следуя собственному кодексу чести, считал просто непорядочным.

И все равно он был убийцей. Любые слова оправдания были излишними. Его профессия палача была достаточно экзотичной, но она существовала. Именно палача – строгим, безотказным орудием правосудия. Все дело было в том, что он был не просто убийцей, нанимаемым по обычной ставке каким-нибудь дельцом для сведения счетов с конкурентом. Нет, он являл собой «государственного» убийцу, работавшего только на одного хозяина. Он работал на государство.

Собственно, так было задумано изначально. Начало 70-х, когда он закончил школу, ознаменовалось первой попыткой поступления в институт. Он почему-то хотел стать архитектором, может, потому, что в детстве ему нравилось строить игрушечные домики. Он не прошел по конкурсу. Впрочем, иначе и быть не могло. К этому времени в его родном южном городе приемные экзамены шли по заведенным правилам. В институт попадали сначала так называемые «тапшованные» студенты, то есть те, которые были заранее внесены в список ректора.

Первый список обычно состоял из детей известных родителей, племянников не менее известных чиновников, внуков партийных и государственных работников. Попавшие в первый список проходили в институт независимо от своих способностей или проходных баллов, иногда даже плохо представляя, на каком факультете им придется учиться.

Сын бухгалтера и учительницы не мог попасть в этот список. Но был еще и второй список. Сюда попадали студенты, чьи родители могли заплатить по прейскуранту, установленному во всех учебных заведениях города. Поступление в институт считалось гарантией от призыва в армию. Кроме того, высшее образование традиционно было чем-то вроде амулета для любого, кто собирался сделать карьеру или вообще преуспеть в жизни.

Во второй список попадали дети директоров крупных торговых центров, магазинов, негласные владельцы шашлычных и так называемые «цеховики», занятые подпольным бизнесом. Конечно, никто не платил долларами, с которыми многие не хотели иметь никакого дела. Отдавали обычно рублями, и суммы варьировали от пяти до пятидесяти тысяч. В начале 70-х это были большие деньги. Самые крупные суммы требовали на юридическом факультете. За ним по рангу следовали исторические и восточные факультеты. Для девочек, разумеется, акцент был смещен в сторону медицинского.

В их семье никогда не было лишних денег. Конечно, они не бедствовали, а отец, ставший к этому времени даже главным бухгалтером, получал довольно неплохую зарплату. Однако он был честным человеком, несмотря на давление руководства фабрики.

Был еще третий список. В него попадали дети преподавателей, внуки известных в городе людей – писателей, художников, академиков, композиторов. Список не гарантировал обязательного поступления в институт, но находившимся в нем отдавали предпочтение перед обычными смертными. Еще существовали отличники, которые иногда попадали в институты, пробиваясь сквозь три списка, потом шли демобилизованные из армии или по направлениям рабочих коллективов. Этим, правда, нещадно резали, но иногда проскальзывали и они. И наконец, на оставшиеся места, если таковые были, попадали все прочие. В тот год он не попал в институт, а через восемь месяцев ему исполнилось восемнадцать, и на вторую попытку уже не было времени – его забрали в армию.

Для бывшего горожанина, выросшего в сравнительно обеспеченной семье, армия представляла собой нечто среднее между колонией усиленного режима и тюрьмой с общим режимом содержания. Два года, о которых он потом не мог вспоминать без содрогания. Сначала его мучили, плевали в лицо, заставляли чистить туалеты, душили по ночам подушкой, устраивали «велосипед»: сонному вставляли между пальцами ног спички и поджигали их. И наконец, один из «стариков» решил использовать «салагу» в качестве объекта своего сексуального вождения. А когда «объект» не согласился, его избили до полусмерти, сломав два ребра. В больнице он провалялся почти три месяца и, выйдя оттуда, уже считался «стариком». Как раз начался второй год его службы. Теперь уже он, вернувшись в часть, измывался над новичками, сладостно упиваясь властью над беззащитными ребятами. Одного из новичков, земляка того самого «старика», которому он сам не дался, он сделал своим «шестеркой». Лишь одного он не мог сделать – вступить в связь со своим «шестеркой»: он был слишком четко ориентирован на женщин.

Из армии он вернулся другим человеком. И в институт уже не собирался поступать, твердо зная, что все равно не поступит. У отца на фабрике были крупные неприятности. Дирекция занималась выпуском подпольной продукции, предпочитая не посвящать своего принципиального бухгалтера в подобные дела. Но у следователей, которые начали уголовное дело, было совсем другое мнение. Они не поверили, что главный бухгалтер ничего не знал о происходящих на фабрике хищениях. Отца начали таскать на допросы. Возможно, следователи и сознавали, что тот честный человек, но тем больше им хотелось посадить бухгалтера за решетку, ибо все остальные подследственные исправно платили деньги следователю и прокурору. И только отец «валял дурака».

Такое упрямство раздражало следователя, и довольно скоро был выдан ордер на арест несговорчивого главного бухгалтера, который умудрился не заплатить ни копейки за все время следствия. До ареста дело не дошло. У отца начался сердечный приступ, от которого он слег и уже больше не встал.

Он даже не подозревал, какую услугу невольно оказал своему сыну. Формально бухгалтера не успели арестовать, и приговор не был вынесен, так что кадровый листок сына был чистым. Но в городе у него уже не было шансов получить приличную работу или поступить в институт. Уехав в другой город, он поменял несколько мест работы, пока его не взяли водителем в милицию. Оттуда, как отслуживший в армии комсомолец, он попал в Высшую школу милиции.

Пять лет учебы сделали из него нового человека. Здесь тоже была своя «дедовщина», но не в столь открытой форме, как в армии. Он полюбил тренировки в тире и стал не только чемпионом курса и школы, но и выступал на всесоюзных соревнованиях, занимая призовые места. К моменту окончания учебы и получения офицерского звания он был уже кандидатом в мастера спорта по стрельбе.

Казалось, теперь его жизнь наконец определится на долгие годы. Он получил назначение следователем в свой родной город. Новенькие погоны на плечах служили залогом новой жизни. Все казалось таким радужным и таким многообещающим в эти летние дни семьдесят восьмого года. Однако все получилось совсем по-другому.

Он опять попал в замкнутую систему со своими законами и четко отлаженной структурой взаимоотношений. К этому времени (ему было двадцать шесть лет) он понял окончательно, что не может работать в команде по законам волчьей стаи, которые неизбежно возникали в любой замкнутой среде – в высших учебных заведениях, армии, милиции, строительном управлении.

В районном отделе милиции, где он работал следователем, все было как обычно. Пьянство сотрудников, повальная коррупция, небрежное отношение к собственным обязанностям, систематическое сокрытие уголовных дел для отчетной статистики. Наряду с этим бывали и самоотверженные порывы отдельных сотрудников, и ночные бдения инспекторов уголовного розыска, и мужество офицеров милиции, не боявшихся ножей и пистолетов бандитов. Но все это разьедалось катастрофической, абсолютно параноидальной коррупцией в милиции, где платить нужно было за все. За каждую звездочку, за любое новое назначение, за любую новую должность, за новый кабинет, даже за новую машину. Нужно было либо принимать эти правила, либо уходить из милиции. Кроме того, следователи традиционно работали и с прокурорами, которые также могли рассчитывать на совместные заработки. Но он не хотел и не умел так жить.

Он все время подсознательно помнил о своем отце, так и не принявшем общие правила игры. И хотя несколько раз все-таки сдавался, получая и передавая часть денег своему начальнику отдела, тем не менее он так и не сумел приспособиться к этой системе, и его довольно скоро сослали в уголовный розыск. И хотя он был переведен на должность старшего инспектора, все понимали, что это понижение для строптивого офицера.

Тут в его судьбе в который раз произошел перелом. После очередных соревнований по стрельбе к нему подошли двое в штатском, оказавшиеся сотрудниками КГБ. В результате этого разговора он через четыре месяца был переведен на работу в КГБ, отправлен в другую высшую школу, уже в Москву. Он еще не знал, в каком именно мастерстве ему предстоит совершенствоваться и что именно от него потребуются, не знал, что его долго проверяли, выясняя все его связи и знакомства. Он даже не подозревал, что строптивый характер и нежелание играть по законам команды были внесены в его досье. К этому времени он остался уже без матери, а сестра, выйдя замуж за своего сокурсника, уехала на Дальний Восток. Он остался совсем один. Именно поэтому после жесточайшего отбора и была предложена его кандидатура.

В двадцать семь лет он начал новую жизнь, еще не зная, что впереди будут годы упорного труда и учебы. Он не мог предположить, что его будут готовить в «государственные палачи», в «ликвидаторы» КГБ, которые всегда были штучным товаром в этом закрытом ведомстве. Он и не подозревал, что психологи сумеют выявить в его характере особенности, на которые он не обращал внимания. Его осечка при поступлении в институт, его трудная служба в армии, конфликты в школе милиции, неприятности на работе – все было замечено и учтено. Психологи посчитали, что из него получится прекрасный «ликвидатор» – исполнительный, волевой, хладнокровный и жестокий. Последняя черта характера была не менее решающей, чем первые три. И он отправился в Москву, на учебу. Через двадцать лет он был уже штатным «ликвидатором», абсолютной машиной по уничтожению «отходов», лучшим резервом сменяющих друг друга за эти годы председателей и начальников КГБ-МНБ-ФСК-ФСБ. Его личного досье не было нигде – ни в СВР, ни в ФСБ. Документы на такого рода агентов просто не хранятся в сейфах. Они либо уничтожаются, либо изымаются для пересылки в специальный фонд. Раньше это был закрытый фонд Политбюро ЦК КПСС, затем он стал абсолютно закрытым фондом президента нового государства. Теперь он был известен лишь узкому кругу людей как профессионал, который умел изощренно убивать. За эти годы он сменил несколько кличек, но последняя, Монах, осталась за ним, казалось, навечно. Он и жил все эти годы как монах. Нет, конечно, у него были женщины. С одной из них он даже сблизился. Но сама профессия, постоянное ожидание приказа, превращавшего его в заряженное ружье, не позволяли завести семью или иметь детей. Это было для него невыносимой роскошью. Он немного гордился своей кличкой, словно свидетельствующей о его полном отречении от всего мирского. За эти годы он получил неплохую двухкомнатную квартиру в Москве, в тихом месте. В последнее время ему стали платить гораздо больше прежнего, и он мог

существовать вполне сносно.

Он не хотел признаваться даже самому себе, но за эти годы профессия стала его второй натурой. Он получал удовольствие от самого процесса подготовки, долгого наблюдения за намеченной жертвой, гордился своим умением точно и аккуратно выполнять любые задания. Сведя свое общение с женщинами к необходимому минимуму, он встречался с ними лишь иногда, несколько раз в год. Однако самое большое удовольствие, почти сексуального характера, он получал в тот момент, когда видел, как жертва падает после его выстрела, как она дергается, замирая от боли и страха. Он не считал себя садистом, с женщинами он был даже робок и скован, но стоило жертве оказаться в прорези его прицела, как он замирал от сладкого предвкушения выстрела. Это и бывало тем редким наслаждением, которое оставалось у него в жизни.

Другим его достоинством за все эти годы было молчание и отшельнический образ жизни. Только это и помогло ему выжить столько лет на работе, на которой другие, менее удачливые и более болтливые агенты, проваливались. По непреложным законам конспирации «ликвидатора» убивали после трех-пяти лет их работы, иначе он мог рассказать слишком много. Когда его стаж достиг пяти лет, выяснилось, что новых «ликвидаторов» такого класса к этому времени не подготовили, а на дворе стоял уже восемьдесят пятый год.

Потом вообще стало не до «ликвидаторов». Правда, в конце 80-х пришедший к руководству КГБ бывший глава советской разведки генерал Крючков принял решение несколько подчистить «авгиевы конюшни»: сразу три «ликвидатора» из Первого управления «случайно» погибли примерно в одно и то же время. Один попал в автомобильную катастрофу, другой умер дома от сердечного приступа, когда врач, пытавшийся ему помочь, сделал ему укол, а третий просто выпал с девятого этажа своего дома в результате несчастного случая.

Монах, помогавший третьему «ликвидатору» выпрыгивать из своей квартиры, снова остался в живых. Ведь кто-то должен был сделать и эту работу. А потом уже было не до него. Вернее, его передавали каждому новому руководителю спецслужбы как особый резерв, пригодный на случай крайней необходимости, который, впрочем, бывал у каждого нового начальника спецслужбы хотя бы один раз за время его нахождения у власти.

Монах постепенно становился тем элитарным орудием, которое существует в каждой спецслужбе. Теперь он уже не боялся собственной ликвидации, будучи

необходимым элементом самоутверждения каждого нового руководителя спецслужбы. Они сменяли друг друга достаточно часто, и каждому из них нужен был подобный специалист.

Глава 3

В тот день условный звонок раздавался трижды. Очередной вызов его не удивил: в последнее время было довольно много заказов.

Он появился у телефонной будки как обычно – задолго до условленного срока. Все было спокойно. Направившись в пять часов к тайнику, он почувствовал неладное, хотя вокруг никого не было. Подсознание сигнализировало об опасности. Он сделал несколько обходов телефонной будки, не решаясь подойти к тайнику. Несмотря на все его усилия, он никого не заметил. Подойдя к тайнику уже в шестом часу вечера, он извлек сообщение.

Рядом с ним никто не появился. Тем не менее он не мог избавиться от неприятного ощущения, что за ним следят. Достав бумагу, он, как всегда, быстро направился к станции метро, чтобы оторваться от возможных наблюдателей. Сообщение было не совсем обычным. На этот раз цифры отсутствовали, вместо них была всего лишь одна фраза: «В известном вам месте, сегодня в семь часов».

Это ему не понравилось. За последние несколько лет ему не назначали свиданий. В этом не было необходимости. Они и так прекрасно обходились без лишних свидетелей. Он хорошо знал, что означает свидание с любым человеком. Это означало, что он становился носителем какой-то информации, а любая информация была опасной. И любой человек, которого он мог узнать, становился потенциально опасным. Хотя, назначив встречу с такими предосторожностями, они сами опасаются утечки информации. Могли бы ведь просто позвонить или назначить свидание у первого тайника. Теперь он понял, почему чувствовал на себе чужие взгляды. Очевидно, за ним все-таки наблюдали, но решили встретиться в другом месте. И поэтому идти надо было в любом случае.

У него оставалось время, чтобы успеть достать личное оружие. Тот самый набор, который он держал на самый крайний случай. Винтовка ему могла не

понадобиться, но оба пистолета, хорошо смазанные и годные к употреблению, были в самый раз. Достав чемоданчик, который прятал все эти годы по разным местам, он почувствовал себя гораздо увереннее. И ровно в семь часов поехал на место встречи. В конце концов, рассуждал он, если кто-то решит, что ему пора заканчивать, то может серьезно просчитаться. Он принял меры на случай своей внезапной смерти. И они не понравятся тому, кто мог отдать приказ о его ликвидации.

В семь часов вечера у моста стоял темно-синий «Вольво». Он увидел машину издали и понял, почему она так демонстративно остановилась у самого тайника: давали понять, что ничего страшного не случится. Чувствуя приятную тяжесть пистолетов, висевших на ремнях под легкой курткой, он медленно приблизился к автомобилю.

За рулем сидел незнакомый ему человек лет тридцати пяти. Увидев севшего в машину Монаха, он кивнул, словно старому знакомому, и не торопясь завел мотор. Монаху понравилась эта неторопливость. Очевидно, человек за рулем был профессионалом. Он не суетился, не нервничал и не слишком часто смотрел в зеркало заднего обзора, пытаясь разглядеть пассажира. Лишь проехав две улицы, спросил, не оборачиваясь:

– Вы получили наш вызов?

– Да.

– Вы Монах. – На этот раз он не спрашивал. Просто назвал кличку, чтобы его собеседник понял степень осведомленности и оценил ее в ходе дальнейшего разговора.

– Меня так давно никто не называл, – ответил он.

– Я все знаю, – чуть торопливо сказал незнакомец, глядя на дорогу.

Секунд двадцать тянулось томительное молчание, после чего незнакомец наконец произнес:

– Мы решили использовать ваш опыт.

- Понимаю.

- Нам рекомендовали вас как лучшего специалиста.

На этот раз он промолчал. Комментировать что-либо было не в его интересах. Они должны были знать, какой «товар» берут.

- Вы согласны? - спросил незнакомец.

Это его удивило. Обычно его не спрашивали, просто присылали адреса и фотографии нужных людей. Что с ними происходит? Или они решили перестроить свою работу?

- Почему вы спрашиваете? - недоверчиво прохрипел он. - Это моя работа.

- Да-да, конечно, - согласился незнакомец, - я лишь хотел вас предупредить, что это не совсем обычный заказ.

Он пожал плечами. Удивительным было все. От методов ведения беседы до этой непонятной встречи.

- Я могу отказаться? - внезапно спросил он.

- Пока да, - отозвался незнакомец, - хотя, честно говоря, мы очень рассчитывали на вас.

- Понятно. Очевидно, ваш клиент - слишком высокопоставленное лицо?

- Как вы догадались?

- Опыт. Вы же сами сказали, что отбирали самого опытного.

- Я сказал, что мы хотим использовать ваш опыт.

- Ну, это одно и то же. Если вы сейчас скажете мне цену, я примерно смогу представить, что именно вы от меня хотите.

Незнакомец посмотрел в зеркало. Пожевав губами, словно решая для себя нелегкую задачу, он наконец произнес:

- Пятьдесят тысяч.

- Мало, - возразил Монах, хотя так много ему никогда не платили, даже половина этой суммы была целым состоянием. Чуть помолчав, он добавил: - Судя по подготовке и по нашему разговору, этот человек стоит не меньше четверти миллиона долларов.

- Почему вы так решили?

- За сто тысяч вы бы не приехали сюда. Пятьдесят тысяч долларов не такая сумма, чтобы убивать такого человека. Иначе вы не стали бы являться лично на разговор, а прислали бы обычные пленки.

- Хорошо. Я понял ваши мотивы. Но обычно вы получали десять тысяч. По-моему, пятьдесят - это очень хорошо.

- Из-за такой суммы вы бы не приехали на встречу, - упрямо возразил Монах.

- Хорошо. Семьдесят пять, и не торгуйтесь.

- Сто. На меньшее я не согласен.

- Ладно, черт с вами. Хотя я должен буду сказать о ваших требованиях.

- Как угодно. За меньшую сумму просто неприлично соглашаться. Я давно хотел сказать, что мне платят очень мало. Как раз представился удобный случай.

- Сто тысяч, - кивнул незнакомец, - я думаю, мы договоримся.

- Остановимся на этой сумме. Что я должен делать?

Незнакомец повернул руль влево. Он успевал смотреть по сторонам, наблюдая за потоком машин, и давно обратил внимание на темную «Ауди». Монах тоже ее

заметил, но пока не проявлял признаков беспокойства. Очевидно, это было сопровождение незнакомца. Она слишком открыто шла за «Вольво».

– Вы должны быть готовы убрать определенное лицо, – сказал наконец незнакомец.

– Что значит быть готовым?

– Это значит, что надо ждать сигнала на исполнение приговора.

– А его может и не быть?

– Да. В таком случае вы получите четверть причитающегося вам гонорара.

– Сколько времени я должен ждать? У меня есть время на подготовку?

– В течение месяца. Дополнительный сигнал может прийти затем в течение десяти дней. Или будет дан сигнал отбоя.

– Ясно.

Он сказал это таким тоном, что незнакомец снова взглянул на него в зеркало.

– Вам что-нибудь непонятно?

– Разумеется. Мне нужны гарантии моей безопасности.

– В каком смысле?

– Ваша встреча со мной означает высший уровень секретности. А это значит, что при любом вашем сигнале следующим будет приказ о моем устранении.

Незнакомец усмехнулся:

– Вы умный человек. Я еще не назвал вашего клиента.

– Именно поэтому я хочу оговорить все до того, как вы его назовете, а не после.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/abdullaev_chingiz/sila-inercii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)